

Встреча шестая с Ваней Масалыкиным

Об этом мальчишке рассказали мне в Москве, хотя жил он на Кубани, в станице Новопокровской. И там оборвалась его жизнь.

Ваня Масалыкин был сиротой. Воспитывал его колхоз «Кубань». Так и называли Ваню «сыном колхоза». Тихий, молчаливый он был. Жил в семье Караченцевых и крепко дружил со своим ровесником Сережей.

Шел Ване четырнадцатый год, когда началась война. Осенью сорок второго вступили в станицу враги.

В Новопокровской начала действовать подпольная группа, оставленная по заданию райкома партии, секретарем партийной подпольной организации был Анисим Капитонович Мезенцев, работавший до оккупации председателем колхоза «Кубань». Вредили врагам народные мстители, склоняли колхозников не выходить на работу, проводили агитацию среди населения станицы, сообщали сведения о борьбе Красной Армии.

Ваня о подполье, конечно, не знал, а сидеть сложа руки не мог, решил хоть как-то мстить фашистам. Но одному – никак не выйдет. Как же без друзей?

Стали ребята выводить из строя немецкие автомобили, прокалывая шины, добывали у врагов оружие. А однажды достали штук десять гранат.

Ваня тогда и решил, что настала пора действовать.

У него возник дерзкий план, поделился с мальчишками, и те пришли в восторг.

Засаду надо было сделать у школы. Там должен проезжать немецкий комендант, как обычно. Швырнуть гранаты и – наутек. Не останется, гад, в живых!

С утра залегли у школы. Из-за невысокого забора внимательно следили за всем, что происходит в станице. Ничего подозрительного. Улица пустынна.

– Долго что-то нет, – забеспокоился Сережа Распопов.

– Никуда не денется, – успокоил его Ваня, – сейчас явится.

Он храбрился, хотя сердце его билось тревожно. Вдруг сорвется? Вдруг не придет? Но как же так – изо дня в день выезжал комендант, а тут, сегодня... Вдруг узнал? Нет, в пацанах своих Ваня был уверен.

– Слышите, – привстал на локтях Миша Смородин. – Едет.

По улице, трясясь на ухабах, медленно приближался к ним автомобиль с комендантом и переводчицей.

Ваня улучил момент, выскочил из-за забора и швырнул гранату. За ним – и остальные. С глухим стуком упали гранаты, подняв сухую пыль.

Резко затормозила машина, бледными как снег стали лица сидевших в ней.

Взрыва не было. Ни одного...

Просто мальчишки не знали, наверное, как пользоваться гранатами.

Ребята разбежались кто куда.

А вечером гитлеровцы пришли за Ваней.

Его привели в комендатуру, поставили перед Карлом Юнгом. Комендант медленно прошелся перед мальчишкой, разглядывая его, большеголового, с упрямо сжатыми губами.

Скрипнула дверь. Полицейский принес корзину. Ваня посмотрел на нее и узнал: там он прятал гранаты. За домом, у сарая, в сене. Нашли...

– Ну, – сказал комендант и ткнул Ваню кулаком в плечо. – Кто есть ты?

Ваня совсем не испугался ни немца, ни этого вопроса. Был бы у него сейчас в руках автомат, вот бы задал фрицу!

– Партизан! – ответил он, не отводя глаз.

Карл Юнг не поверил. Не слышал он, чтобы у партизан были вот такие «кнабе». Врет парень! И чтобы окончательно уличить его во лжи, комендант резко спросил:

– Сколько есть партизан?

– Много! – не без злорадства отчеканил Ваня. – Очень много!

– Где партизан есть? – рывкнул Юнг, цепкими пальцами хватая Ваню за рубашку.

– Везде они! – ответил мальчик, чувствуя, как все больше впиваются костлявые пальцы в плечо.

Если бы он и знал, где партизаны, все равно бы не сказал!

Два дня допрашивали Ваню. А на третий день, так ничего и не добившись, повели через двор комендатуры к старой пожарной каланче. Любили ребята забираться туда...

Дали фашисты Ване лопату.

– Копай! – приказали ему. – Могила.

Потом хотели завязать глаза. Но Ваня отказался.

Комендант навел на мальчика пистолет, прицелился и... не мог выстрелить. Не отвел Ваня глаза, смело смотрел, и жутко сделалось гитлеровцу. Он убил мальчика сзади, в затылок стрелял...

В Москве услышал я о новопокровском парнишке от одного из его товарищей по школе – Льва Михайловича Власова, ныне врача.

Показал мне Власов старую фотографию 6 «А» класса школы № 10. В последнем ряду Ваня Масалыкин. Пионерская дружина этой школы носит теперь его имя.

И рисунок я увидел, сделанный с плохонькой и тусклой фотографии. Был Ваня какой-то торжественный и причесанный, в отутюженном красном галстуке и белой накрахмаленной рубашке.

А мне он виделся загорелым станичным сорванцом...

Вот если бы его нарисовал Борис Иванович Пророков.

Публикуется по: Подыма К. И. Нам подниматься первыми. – Краснодар, 1976.

<http://coollib.com/b/249867/read>